

A full-page background image of a knight in a purple cloak and armor standing in a forest. The knight is wearing a purple cloak with a gold emblem on the shoulder, a dark blue and gold breastplate, and a brown belt with a large buckle. The knight is holding a sword in their right hand. The background is a misty forest with tall trees and green foliage.

Сваргард: Рыцарь Рэйнвуда

Александр Энгель

Александр Энгель

Сваргард: Рыцарь Рэйнвуда

«Автор»

2025

Энгель А.

Сваргард: Рыцарь Рэйнвуда / А. Энгель — «Автор», 2025

Широко и безгранично королевство «Голдэн кастл». Нет во всём свете королевств, равных его богатствам, славе и величию. Но ничто не вечно, и, рано или поздно, по тем или иным причинам любые могучие королевства приходят в упадок. Таков земной закон жизни. Смириться и доживать свой век на руинах старого мира или отдать свою жизнь за построение нового - каждый решает для себя сам. Именно в такие времена можно увидеть истинное лицо человека, его подлинную суть и характер. Ведь именно испытания судьбы являются ключом к раскрытию самых потаённых уголков и сторон нашей, доселе никому не известной и неизведанной нами самими, человеческой души...

© Энгель А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сваргارد: Рыцарь Рэйнвуда

Глава

Сваргارد: Рыцарь Рэйнвуда. Предисловие.

Широко и безгранично королевство «Голдэн кастл» (в переводе с англ. языка «Golden castle» - Золотой замок) (1). Нет во всём свете королевств, равных его богатствам, славе и величию. Но ничто не вечно, и, рано или поздно, по тем или иным причинам любые могучие королевства приходят в упадок. Таков земной закон жизни. Смириться и доживать свой век на руинах старого мира или отдать свою жизнь за построение нового - каждый решает для себя сам. Именно в такие времена можно увидеть истинное лицо человека, его подлинную суть и характер. Ведь именно испытания судьбы являются ключом к раскрытию самых потаённых уголков и сторон нашей, доселе никому не известной и неизведанной нами самими, человеческой души.

Лесная дорога | Рассказ об одной древней королевской династии.

«А вы уверены, что люди достойны подняться выше звёзд? И даже если однажды поднимутся, то что тогда? Что дальше? А главное: что изменится?»

Над лениво тянущимся горизонтом снежных вершин у подножия «Хрустальных гор» (на англ. языке - «Crystal rocks») (2) на сотни миль к югу и западу расстилается лес «Сингвуд» (в переводе с англ. языка «Singwood» - Поющий лес) (3). Своё название он полностью оправдывал, но не благодаря пению или гомону живущих в нём птиц, как могли бы подумать многие путешественники, ни разу в нём не побывавшие, а благодаря необъяснимому явлению, приводящему в замешательство и недоумение не только случайных первопроходцев этих земель, но и вполне обычных здешних завсегдатаев. В утренние часы лес наполнялся каким-то странным и в то же время едва слышимым человеческому слуху мерным звучанием. Местные лесничие говорят, что это необычное загадочное звучание не что иное, как мелодии, издаваемые крошечными флейтами маленьких лесных фей, проживающих небольшими семьями под могучими корнями и в самом сердце древних необъятных стволов многовековых деревьев. Из всего бесчисленного сонма таинственных баек и легенд, окутавших лес, здесь, в кругу жителей ближайшего к его владениям села «Краун Мидоу» (в переводе с англ. языка «Crown Meadow» - Королевский луг) (4), бытует одно наиболее известное и распространённое среди прочих поверье, согласно которому, если рано на рассвете с первыми лучами солнца путнику забрести в его отдалённую непроходимую чащу и припасть, словно к земле, к одному из деревьев, то, хорошенько прислушавшись к тому, что происходит внутри, можно услышать, как в глубине стволов их неведомых расщелин кто-то, как будто бы перешёптываясь, разговаривает друг с другом. В былые времена были и такие жители деревни, которые, клявшись всем дорогим, что есть на свете, уверяли всех остальных, что, якобы, воочию видели своими собственными глазами этих лесных фей. Одни заявляли, что во время сбора ягод или грибов, невольно обратив свой взгляд наверх, заставляли их тихо сидящими на ветвях деревьев и с любопытством глядящими вниз на людей. Вторые обнаруживали их на весьма редких для этого леса полянах, по которым эти, так называемые феи, в солнечные дни, судя по всему, любили прогуливаться. Третьи же и

вовсе замечали их совершенно бесшумно и, казалось, практически, неприметно парящими в воздухе среди крон высоких деревьев и свободно болтающими на лету своими босыми маленькими белыми ножками. И, тем не менее, неважно, какого рода были случаи, когда очевидцам случайно доводилось наблюдать в этом лесу хоть что-то, отдалённо напоминающее фей - всё это тут же поднималось большинством жителей деревни на смех и, как это часто водится среди людей, быстро забывалось. С тех пор мало что живого сохранилось в памяти местных жителей, кроме пары-тройки случаев, произошедших по временным меркам сравнительно недавно - но даже это лишь ненадолго закрепилось в народной памяти, превратившись, спустя годы, в точно такие же, как в ближайшем и далёком прошлом, байки и легенды.

На освещённую ярким летним полуденным солнцем лесную тропу, медленно пробираясь сквозь плотно переплетённые между собой заросли орешника и ольхи, мерцавших при свете тёплых восходящих лучей ещё не до конца высохшими каплями утренней росы, оставшейся на молодых зелёных листьях после довольно сырой и дождливой ночи, выехал очень странного вида всадник. Почему странного? Он был одет в длинный с широким капюшоном сиреневого цвета плащ, изодранный по краям рукавов и снизу у самого основания, что покрывает ноги. Плащ действительно был изрядно измят и поношен временем, сражениями и непогодой, отчего больше напоминал плащ нищего либо плащ бывшего, разжалованного немолодостью его величества, вояки или служаки при королевском дворе, нежели одеяние, что могло принадлежать какой-то другой, более важной, привелегированной особе. И лишь сиреневый цвет плаща, отливавший в свете солнца то пурпурными, то фиолетовыми оттенками, выдавал, что его владелец не такой уж и простой, каким кажется на первый взгляд. Плащи подобных цветов могли и имели право носить только те люди, чья кровь отнюдь не принадлежала к роду простых смертных, «голубая кровь» - не зря ведь в народе про таких рассказывают.

Почти целую неделю и всю минувшую ночь над лесом «Сингвуд» шли затяжные проливные и непрекращающиеся дожди, сверкала белым звериным оскалом гроза, и бешенно, словно разъярённый медведь, ревел ветер, временами впадая в такое неистовство, что при ярких, оглушительных, сотрясающих всё живое вокруг, раскатах молний, казалось, что на чёрной, запачканной огромными тёмными пятнами, скатерти неба кто-то яростно и с остервенением разбивает на осквернённом королевском деревянном необъятном дощатом столе хрустальные кубки и бокалы, из которых ещё буквально недавно хозяева с приглашёнными ими на пир знатными особами и желанными гостями пили красное «драконье» вино и сочился сладкий, дивный, опьяняющий не меньше самого вина, хмелящий мёд. Кубки и бокалы, о чью битую, плотную и твёрдую ребристую стеклянную поверхность так легко ранить пальцы рук, разлившиеся запёкшейся окровавленной красной пеленой заката по столу едва различимого лесного горизонта между блестящими столовыми приборами, что идеально ровно покоятся по соседству рядом с пустыми белыми тарелками, которые так легко теряются среди ярких жёлтых, словно очи волчьей стаи, огоньков чугунных подсвечников. Тарелки с изящной и благородной, но одновременно смердящей ядом и озлобленностью, сердитой глубиной и каким-то непонятным душе отвращением, таящимся в их извивающейся змеиной гравировке, что окаймляет их фарфоровые юбочки по краям, словно выступающие наружу кружевные узорчатые нити, украшающие вульгарно приподнятый подол дамского платья. Крохотные серебряные, поданные к десерту, чайные ложечки - с виду такие маленькие и хрупкие, и, тем не менее, такие тяжёлые и леденящие сердце, если к ним внимательнее приглядеться, улавливая взглядом их несвязные «карликовые» очертания. Невзрачные двух-, трёх- и четырёхзубые вилки, напоминающие плотно захлопнувшиеся челюсти дикого зверя либо напроць и крепко

схватившую своей мёртвой стальной хваткой пасть кованного охотничьего капкана, в которые только что невольно и неосторожно угодила ни о чём не подозревающая жертва или добыча. Похожие на лезвие гильятины, острые ножи и, сияющие надменным благородством, позолоченные, бронзовые и медные с идеально плоским дном подносы. Позолоченные подносы, держащие в своих огромных нечеловеческих ладонях ещё не остывшую после прожарки в огромном кухонном камине замка дичь, добытую на охоте - подносы, в которых, словно в отражении в зеркале или нлнцевых диковинных фарфоровых вазах, видны все самые мерзкие и отвратительные людские человеческие помыслы, грехи и пороки. Бронзовые и медные подносы, ломящиеся под тяжестью фруктов и других наиредчайших, невиданных для здешних высот, плодов деревьев, что бережно собирались королевскими верноподданными не где-то поодаль, а прямо под нависшей над ними, словно палач, полупризрачной тенью тёмной фигуры далёкого замка, спрятанного среди безликих и безмолвных силуэтов скал. Все эти привычные и непривычные дары природы, лениво громоздившиеся на подносах пёстрыми дождевыми тучами, можно было найти только в зелёных, тенистых, примыкающих вплотную к его массивным каменным стенам, призматических садах с широкими горными уступами и не менее отвесными склонами, что густо усажены виноградниками, растущими на чернозёме, привезённом в те места непонятно кем, на чём и откуда. Виноградные грозди выглядели на этих подносах пожухлыми и блёклыми, растеряв свой прежний былой блеск, чем тогда, когда росли на благоухающих и ещё только наливающихся сочным спелым солнечным светом виноградниках, чьи ягоды сияли на лозах, словно звёзды, не очернённые ни ночью, ни непогодой, ни земным миром, что смотрит на них снизу вверх, как и устремлённый в том же направлении одинокий серый шпиль замка с поруганным сильными ветрами багровым флагом в цвет минувшего прошлым днём заката над лесом «Сингвуд». Все эти довольно мрачные ассоциации и параллели, связывающие между собой то, что когда-то происходило на самом деле с минувшей непогодой, волей-неволей навевались в мыслях даже у тех людей, кто был лишь немного знаком со страшной, пугающей, заставляющей трепетать даже очень стойкую на храбрость душу, историей, что случилась по временным земным меркам не так давно и в каком-то смысле предзнаменовала собой наступление очень и очень тёмной эпохи.

Такая странная непогода отныне стала очень частым явлением в здешних краях после длившегося на протяжении нескольких лет в не столь отдалённом прошлом бесславного, страшного и донельзя тяжёлого жестокого падения дома и теперь уже вечного пристанища, приюта скорби и молчания династии Цинферн («infern» - inferнальный) () - одной из пятнадцати королевских династий огромного и необъятного королевства «Голдэн кастл», о былом величии которой ныне говорит лишь одиноко стоящий, поросший диким плющом и терновой акацией в полутени могучих возвышающихся куц темныхвойных деревьев, невероятных размеров, замок - «Лоун кастл» (в переводе с англ. языка - «Lone castle» - Одинокий замок) (6). Замок этот лежит в сотне миль к северо-востоку от леса «Сингвуд», минуя «Равнину Печали», на другом, противоположном «Хрустальным горам», ещё более высокогорном хребте, названном в честь тамошнего короля былых незапамятных времён и владыки Базелиска Цинферн, который когда-то однажды и стал основателем и родоначальником будущей и теперь уже минувшей королевской династии, чья участь и судьба не завидна никому из остальных и по сей день здравствующих правителей необъятного королевства. Там среди бесконечных пропастей, скал, обрывов и утёсов, среди бездонных глубоких горных впадин и расщелин Базелиск Цинферн и построил свой знаменитый, ныне - печально известный фамильный замок, впоследствии переданный, а, точнее - оставленный после смерти старика и перешедший по наследству его единственному из на тот момент сохранившихся потомков - младшему, и хотя не такому опытному и воинственному, как отец, но очень расчётливому и предприимчивому сыну Теодору Цинферн, а от сына Теодора к внуку - Остборку Цинферн со всеми последующими и будущими наследниками древней родовой династии. Словно прячась от любых,

пускай даже случайных, любопытных глаз, «Лоун кастл» находился на некогда пустом, выкроенным в скале древними и могучими ледниками, высоком плоскогорье, в покрытом снегами, туманами и дождями самом сердце холодных, тяжёлых, тнетущих и давящих своим каменным безразличием, тревожным спокойствием, щемящей грудь и душу безрадостной тишиною, снежных вершинах «Сумрачных гор». И лишь только сегодня, к большому удивлению всех, кто проживает поблизости рядом с лесом «Сингвуд», включая жителей села «Краун Мидоу», что расположено на единственной сохранившейся южной тропе к лесу, из-за серых туч вдруг неожиданно появилось и вновь засияло, как и в прежние старые добрые времена, долгожданное, беспечное, дарящее радость и надежду всему живому и вездесущему на земле, небесное светило.

Но вернёмся к нашему всаднику, который, вероятно, бродил по бескрайнему лесу «Сингвуд» очень давно, судя по его уставшему и довольно-таки изнемождённому измотанному виду, сбившись с правильной нужной дороги. Из-за долгого недельного дождя почва с землянным покровом буквально проваливались под ногами, и иногда казалось, что весь лес в одночасье превратился в сплошное и непроходимое вязкое болото. Даже достаточно выносливый для своих лет конь по кличке Йольнир (прозвище животного происходит от слова «йоль» (др. - сканд. jǫl) - праздник середины зимы в древнегерманских народах) (7) уже с трудом переводил дух, неспешно переставляя подкованные, испачканные в грязи могучие тяжёлые копыта, передвигаясь усталой полуленивой рысцой туда, куда указывал ему поводьями его заботливый наездник, хозяин и верный друг. Наряду с переполненным влажностью сырым прелым воздухом и напитанным холодной водой слоем дёрна, дождь почти полностью смыл некогда хорошо сохранявшуюся исстари до сей поры сеть бесчисленных лесных троп, которые, как одна, брали своё начало от той, казалось бы неприметной, полужаросшей одиночной южной тропы поблизости села «Краун Мидоу». Все эти тропы то расходились порознь, то сходились воедино и переплетались между собою, словно корни растущих как вдоль, так поперёк них, древних, молчаливо шелестящих листвою, спящих исполинов.

- Ну что, Йоль, вот и нашлась ещё одна часть нашей размытой тропы... - услышав и словно интуитивно поняв эти слова конь негромко, но с весьма довольной нотой профырчал в ответ, и во всех его движениях почувствовался душевный подъём, прилив сил и энергии - Давай, пожалуй, остановимся здесь и разведём костёр... Да, пока что дождь прекратился, но что-то мне подсказывает, что это ненадолго... Нам нужен отдых, ведь мы с тобой всю ночь не спали...

Упервшись ногами в потёртые узорчатые стремяна, всадник приподнялся с седла и с лёгкостью быстро спустился на уже слегка обветренную и обсохшую под лучами нарастающего дневного солнца землю. Для отдыха он решил выбрать небольшую скромную прогалину под сенью высокого старого дуба, густо поросшую цветущим клевером и расположенную чуть-чуть поодаль от основной поляны и найденного им, простирающегося ещё дальше и дальше вглубь чащи, лоскута, казалось, навсегда потерянной, лесной тропы. Привязав коня к стволу растущего рядом молодого клёна, всадник стал внимательно осматривать пространство вокруг дуба и других близко расположенных к прогалине деревьев в поисках хоть какой-нибудь, чудом нетронутой дождём, опавшей сухой листвы и, сорванных сильным ветром во время неутихавшей, долго продолжавшейся бури, веток и сучьев, что были разбросаны теперь в огромном количестве по довольно кустистому, освещённому солнцем, подлеску.

И вот, наконец, собрав в достаточном количестве хвороста, наш таинственный странник озябшими холодными пальцами нащупал в маленьком кожанном, завязанном на узелок мешочке, спрятанном во внутреннем, наспех и небрежно вшитом, плотно прилежавшем к груди

кармане, огниво, и, вынув его из своего, полностью промокшего до нитки, плаща, тотчас же быстрым движением рук смог расжечь небольшой костёр, чтобы хоть как-то обсохнуть и согреться после бессонной дождливой ночи.

Всадник выпрямился над разгоравшимся всё сильнее и сильнее пламенем, что теперь с жадностью и аппетитом поглощало раз за разом новые сухие ветви, сложенные в одну большую взлохмаченную охапку. Оглядевшись по сторонам, словно опасаясь или остерегаясь чего-то, он осторожно откинул назад капюшон сиреневого плаща. Крохотные, едва заметные проблески света, мелькавшие причудливыми солнечными зайчиками сквозь густую, ласкаемую ветром, листву дуба, то ненадолго освещали, то внезапно исчезали, касаясь своими тёплыми мимолётными лучиками плеч и лица странника, но даже при их трепетном неясном мерцании многое из его таинственной внешности всё же можно было разглядеть. Это был мужчина среднего роста и возраста с волевыми чертами лица: его прямой со слегка выдающейся орлиной горбинкою нос плавно переходил в утончённые и в то же время весьма крепко сложенные надбровные дуги; сильные скулы аккуратно обрамляли гордо направленный вперёд, наподобие изящно выступающей проры речного судна, мужской подбородок; он был достаточно широк в плечах и груди, и одновременно имел по-своему жилистое и стройное, но тем не менее могучее человеческое тело; его небрежно свисавшие, ниспадавшие почти до самой спины волосы были длинны и белы, словно снег в январе, а из-под светлых задумчивых густых бровей на горящий огонь смотрели, будто выпцветшие от холода и первых ночных заморозков, словно лепестки осенней астры, светло-голубые глаза. И всё ничего, если бы не одно существенное «но» во всей этой неподвластной, благородной, романтической мужской внешности: то тут, то там сквозь поверхность ослепительно белой кожи странника, испещрённой как вполне привычными боевыми, так и не совсем понятными на вид небольшими шрамами, проступали как клочками, так и отдельными единичными фрагментами, в цвет волос и бровей, самые что ни на есть настоящие белые птичьи перья. Росли они, как это странно не прозвучит, прямо из-под покрова кожи своего необычного носителя. Почему необычного? Потому что наш таинственный всадник был далеко не обычным человеком в привычном для нас, простых людей, населявших некогда богатое и процветающее королевство, понимании и смысле этого слова. Этот всадник, наречённый при рождении не столько именем, сколько устрашающим и грозным для врагов прозвищем - Сваргард, принадлежал к роду Мангриф - расе полулюдей-полугрифонов, искусственно выведенных методом, схожим с селекцией, при помощи алхимии и ныне запретной в здешних краях друидовой магии в эпоху Трёх могучих правителей «Рэйнвудсарда» (8) - некогда существовавшей обширной горно-лесной территории, кратко и неофициально именовавшейся в королевстве «Голдэн кастл» в повседневном простом разговорном языке страной «Рэйнвуд», что бесследно исчезла, практически, со всеми представителями своего народа, много столетий тому назад.

- Как же нам повезло, если это можно пока считать везением, что мы отправились в лес «Сингвуд» не несколькими днями ранее. Мы хоть и не из робких ребят, видели на своём веку передраги и похуже обычной непогоды, да, дружище? - не отводя пристально смотрящих на костёр очей обратился он к своему жевавшему с неподдельным счастьем и аппетитом мокрую траву коню - Да, и всё же так ведь и вправду оконечить недолго, судя по тому, сколько воды вылилось с неба только лишь за прошедшую ночь... Хотя мы здесь застряли по сути не так и давно: только со вчерашнего дня... Никогда бы не подумал, что даже натоптанные долгими десятилетиями людские тропы, не говоря уже о зверинных тропах, не выдержат столь затяжных лесных дождей... Хм, странно это всё... Не правда ли? Кто знает, возможно, не обошлось здесь и без некоторой чёрной магии, вернее сказать, её побочных явлений - тогда подобные дожди точно не исключение... - на эти слова конь фыркнул так, будто хотел сплюнуть в сторону, словно человек, который только что увидел перед собой что-то такое, что ещё до сих пор не исчезло полностью и преспокойно проживает по соседству рядом с привычным и зна-

комым нам миром людей. И речь здесь вовсе не о полувыверших злобных болотных кикиморах и водяных, ровно как и не о пленящих наивных путников своей дурманящей ненастоящей фальшивой женской красотой озёрных, речных и морских русалках, или крайне безобидных, но хитрых и временами даже попросту невидимых для простого человека леших - нет, речь здесь совсем о другом.

Просто иногда случается так, что в мир, населенный людьми, магами, волшебниками, кудесниками, эгномами и эльфами, наравне с остальными недружелюбными человекоподобными существами, проникает нечто, чего боятся даже самые старые и закоренелые ведьмы, коих нынче сохранилось не так много в королевстве «Голдэн кастл». Это нечто пришло сюда давным-давно, ещё задолго до появления здесь первых, тогда ещё не так испорченных алчностью, корыстью, жадностью и невежеством, людей, когда ни о каком королевстве «Голден кастл» не было написано ни малейшей строчки в святейшей книге «Поступь Единорога», как не было написано и самой этой книги, тщательно оберегаемой и хранящейся в глубинах тайников королевской подземной библиотеки первородного, основополагающего и главного из всех пятнадцати королевских династий замка - «Ривер кастл», расположенного на подступах к королевству в «Мельничной долине» на живописных равнинных лугах «Единорожьего подгорья», которое, словно королевская благородная чаша, держалось, освещаемое солнцем, в ладонях этой, всегда наполненной живительными ручьями и водами кристально чистых горных рек, лениво стекающих вниз по склонам сонной цветущей горы Эйзмунд («Ejsmund» - древнегерм. слияние слов «ejs», «eis» - железо, «munt» - защита) (9) небольшой холмистой возвышенности.

Появилось сие нечто в здешнем мире в те далёкие незапамятные времена из очень старого и древнего мира злых духов - «Берсклетвальда» («berskletvaaultd» - ber (bear) - медведь, sklet - скилет, vaal - древнее злобное демоническое существо в мире злых духов, vault - склеп) (10). Оно не имело ни имени, ни названия, ровно как не имело ничего, что хоть как-нибудь внятно рассказывало о прошлом этой сущности до её первого появления среди людей, ибо в том бесформенном мире, откуда она когда-то прибыла, нет ни привычного для нас понятия времени, ни того, что мы привыкли видеть, слышать или осязать нашими неотъемлемыми и неотделимыми от нас и нашего человеческого тела чувствами, так как на тот надёжно сокрытый от людского восприятия мир не распространялось ничего, пускай даже отдалённо связанного с материальностью.

До сих пор неизвестно, почему, но исключительно по какому-то странному и случайному стечению обстоятельств совершенно пресловутая и с самого начала неидеальная материальность со своими, присущими только ей, физическими земными законами, стала той основой, на которой, как на фундаменте, стало держаться всё остальное человеческое бытие. Однако, всё же, как немыслима тьма без света, так и материальность немыслима без духовного мира, который приводит её в движение, словно маленькие шестерёнки тяжёлый часовой механизм. Без духовного мира вся материальность просто лежала бы пустым безмолвным камнем посреди безжизненной пустыни, а жизнь так и не обрела бы форму, суть и смысл... Нетрудно догадаться, что для своего воплощения на земле сущности нехватало именно формы, которую ей могла дать только лёгкая на подкуп материальность. Кто знает, может это объясняет и то, почему богачей в людском мире любят значительно меньше, чем простолюдинов, так как зачастую не все их драгоценности, сокровища и деньги, накопленные в сундуках, так честны, как они видятся самим богачам, чьи души связаны с материальностью намного более плотно, чем у остальных людей.

Жадность, жажда наживы, тяга отхватить пожирнее и, желательно, как можно более вкусный и лакомый кусок чего-либо для себя, не считаясь и не делясь с теми, кто в этом нуждается значительно больше, чем другие - это то, что прельщало сущность в людях, но она не могла воплотиться в живом человеческом теле - она была слишком слаба для подобной, совершенно не свойственной и противоестественной для неё и её сути оболочки. Сущности требовалось некротело - тело мёртвого человека, который при жизни был отравлен мясом, взятым из плоти

некротела мёртвого животного - падали, а падаль, в свою очередь, могла подхватить этот морок из плоти других, но уже намного меньших по размеру животных по сравнению со всеми последующими - всё это выстраивалось в этакие последовательно скованные и собранные звенья одной цепи, плавно переходящие в основное кольцо с заострённым стержнем, на котором всё и держится.

Ровно так всё и произошло, когда однажды на обеденный стол королевской семьи Ронмунда Цинферн, что приходился сыном Остборку Цинферн, внуком Теодору Цинферн и правнуком Базелиску Цинферн, в замке «Лоун кастл» с подачи хоть и верного, но не особо отличавшегося своей честностью в кругу остальных прислуг, придворного охотника Румпелье Робильена было подано блюдо из наспех собранного недобросовестным королевским охотником мяса дикого кабана, которого он обнаружил ещё тёплым и не остывшим рядом с ручьём на самом дне ущелья «Вулф Хо'ллоу» (в переводе с англ. языка «Wolf Hollow» - Волчья впадина) (11) без единой раны, отметин зубов или хотя бы даже малейшей незначительной царапины, которая могла бы обездвигнуть и свалить наземь столь грузное, тяжёлое и теперь уже бездыханное тело. Разумеется, что порядочный охотник не стал бы трогать мёртвое животное, которое по сути являлось падалью и погибло здесь в полнейшем одиночестве то ли из-за неизвестной людям болезни, то ли ещё непонятно из-за чего, так как даже вполне обычные падальщики, хищники и довольно частые гости этой впадины - волки не притронулись к омертвевшему кабану, что по идее должно было хоть как-нибудь навести любого человека на определённые и весьма странные сомнительные мысли относительно того, что произошло на самом деле. Да, любого, но только не Румпелье Робильена в тот тёмный излополучный день. Он очень спешил, а нгод на охоту тогда выдался такой, что выбирать особо не приходилось.

- Да и кто в конце концов заметит, что мясо было собрано со свежей, только что умершей своей или не своей смертью падали? Хэх, как по мне, так даже я бы не заметил этого, будь я королём! - говорил тогда ещё обычный, ничем не примечательный, королевский охотник Румпелье, ловкими быстрыми движениями освеживая кабана и торопливо складывая окровавленное чёрное мясо в свой кожаный охотничий мешок.

О том, что происходило дальше с королевской семьёй Цинферн история, как правило, умалчивает, да и сейчас, спустя многие и многие годы, практически, никому не известно. Ясно лишь одно: все представители этой канувшей в Лету династии случайно и в то же время несчастным образом были отравлены мороком, коим пропитались кровь, жилы и плоть мяса дикого кабана - очень и весьма странного происхождения, наспех раздобытого Румпелье Робильеном на охоте. Но была ли эта обычная оплошность или хитрый расчёт королевского охотника? - теперь сказать довольно трудно. А впрочем, стоит ли удивляться и тому, что обычный лесной кабан смог подхватить и носить в себе подобное «нечто» до тех пор, пока оно, буквально, не съело целиком всю его животную душу и тело изнутри? Ведь кабаны всегда по своей природе испокон веков были всеядными, а поэтому ничто не мешало этому четвероногому неуклюжему свинорылу однажды поутру насладиться в лесах «Сумрачных гор» на берегах старого горного озера «Бердум», помимо опавших осенних жёлудей и листьев, маленькой крохотной полурастлевшей мёртвой землеройкой, уже почти полностью слившейся с прелой почвой и медленно тщательно поедаемой опарышами и жуками-могильщиками, найденной кабаном среди старого валежника и сухостоя. Стоит ли винить столь прожорливое и ненасытное животное и в том, что именно оно, а не кто-либо другой из диких зверей, съело ту самую на вид довольно неприметную землеройку, в мясе которой, помимо морока, сохранялись невидимые тёмные крупинки, обрывки и частички так трепетно ждавшей своего желанного и долгожданного кровавого пира сущности. Кто бы мог тогда предугадать и то, что неистовое чревоугодие и необъяснимая тяга владыки Ронмунда Цинферн к кровавым стейкам, к поеданию которых за ежедневным вечерним ужином он приучил всех своих дочерей и сыновей, включая и любимую жену - королеву Аделию Цинферн, приведёт к тому, что в итоге произошло со всеми:

беда не обошла стороной никого, даже служанок и придворных короля, которые, по сути, были просто неразлучны с королевской семьёй, а потому всегда завтракали, обедали и ужинали в присутствии своих любимых хозяев и, вне всяких сомнений, по праву законных властителей замкан «Лоун кастл».

Ронмунд Цинферн с рождения был донельзя суеверным человеком, ровно так же, как и его старый почивший отец король Остборк Цинферн, который, по сути, и привил своему сыну Ронмунду все эти старые древние родовые поверья, приметы и суеверия, переходивших, как сказки, из уст в уста, по линии великих далёких предков прадеда Теодора Цинферн и прапрадеда Базелиска Цинферн. Король Ронмунд искренне верил, что поедание полусырого, напитанного кровью добычи, недожаренного мяса наделяет того, кто его хотя бы однажды вкусил, ещё большей властью, недоужинной силой, чуткостью, хитростью, смекалистым умом и королевским даром провиденья. Казалось, простая мелочь, присущая, если не каждому из правителей земель обширной территории королевство «Голдэн кастл», то хотя бы тому человеку, чей характер с детства был построен и воспитан на вполне естественной и объяснимой тяге к соблюдению и почтению родовых обычаев и традиций своей семьи, но порой по каким-то совершенно неведомым для большинства людей и сверхъестественным причинам даже такие простые мелочи способны нести в себе разрушение, сперть и хаос, погребляющие под собой целые королевства.

Тем не менее, нельзя точно сказать либо каким-то образом судить со стороны, кто или что сыграло свою решающую роль и предопределило падение и крушение многовековой истории династии Цинферн, ровно как и по чьей вине всё это произошло: будь то суеверный король, королевский придворный охотник либо то самое странное стечение несвязанных и в то же время связанных между собой случайных обстоятельств, по которым съеденная добыча превратила в добычу всех тех, кто посмел прикоснуться к её отравленной морозом и зачатками сущности некроплоти. Силы сущности тогда почти иссякли и были на исходе, а потому ей ничего не оставалось, как только погрузиться в сон и, словно лесной хищник, затаившись в тиши, лишь ждать, долго и упорно ждать своего смертельно брода, которым она оборвёт жизнь своей желанной, беззащитной перед её внезапным натиском жертве.

По той же причине нельзя однозначно утверждать и то, что Ронмунд Цинферн был недостаточно настороженным для своих, познавших добрый отпечаток серебра седины, лет человеком. Мог ли он тогда попросту недонять либо наивно поверить своему придворному королевскому охотнику, которому он всегда из всей прислуги доверял более всех остальных? А доверял он Румпелье Робильену действительно свято и небезосновательно. Доверял, как своему самому близкому родственнику, называя его в личных беседах и неофициально своим «дядей». Да, доверительная связь между ними действительно прослеживалась, и нетрудно догадаться, почему. Ведь это именно Румпелье Робильен научил ещё когда-то давным-давно в бытность своего бывшего владыки Остборка Цинферн его родного сына, тогда ещё совсем юного молодого, но уже достаточно смышлённого принца Ронмунда навыкам боя, выживания, так же, как и охоте в лесу. Однако, даже несмотря на такую, довольно-таки долгую и проверенную временем службу королевской династии Цинферн вот уже как во втором поколении, остальные члены семьи короля, в особенности - королева Аделия Цинферн и вся остальная прислуга, относились к Румпелье Робильену с ощутимой долей недоверия. Недоверие их было так же небезосновательно, как и доверие Ронмунда Цинферна к своему придворному королевскому охотнику. Многочисленные казусы на охоте, которая временами была больше похожа на живодёрство, нежели на то, что называется в понимании высшего сословия благородной охотой, разгульный образ жизни, увлечение колдовскими обрядами, как и прочими сомнительными, а иногда - совершенно ужасными и странными, вещами, которые порой приводили в недоумение даже короля Ронмунда. Тем не менее, и эти оплошности он ему прощал, сводя все нелестные разговоры о Румпелье Робильене в замке к тому, что: «Он уже и так достаточно

помог всем нам, многое прожил и пережил, пускай же и подумается перед тем, как окончательно превратиться в сохнувшего крючком сварливого дряхлого старика...»

Сострадание, жалость, доверие - все эти качества, так или иначе, присущи любому человеку, будь то нищий, просящий милостыню у собора, либо король, важно шагающий в окружении стражи к этому собору и подающий трясущемуся и едва стоящему на ногах олодному и тощему нищему блестящую в свете солнечных лучей и отчеканенную со своим же королевским профилем лица диковинную монету. Такие качества действительно очень ценны в любую эпоху, но они не приведут своего владельца и носителя ни к чему хорошему, если сквозь их дымовую завесу человек не научится видеть в людях тех, кто достоин либо недостоин того, чтобы быть награждённым его душевной искренностью и добротой. Тот же, казалось, безобидный нищий может оказаться просто напросто тайно нанятым асасином, дердащим за спиной оружие убийства, а с виду благородный король может оказаться скупым жадным скрягой, который лишь для виду и напыщенности в глазах народа, собравшегося на площади перед собором, подаст нищему обычный кусок металла, на который бедолага даже не посмотрит и воспримет это как настоящую, имеющую вес, монету, врученную ему из рук самого короля.

В старинной родовой биографии Цинферн прослеживается ещё одна немаловажная деталь, отличающая и выделяющая эту семью среди всех прочих знатных пятнадцати династий королевства «Голдэн кастл». Прапрадед Ронмунда король Базелиск Цинферн был довольно жёстким правителем, причём как по отношению к своим врагам, так и к собственному народу. При нём активно велись ничем не обоснованные по своей целесообразности и логике военные экспансии за расширение территорий предгорного королевства, а смертные казни и публичные преследования всех, кто был не согласен с проводимой военной риторикой, расцвели в доселе невиданных и неслыханных для жителей его владений с прилегающими деревнями масштабах. Профессия воина либо наёмника, ровно как и профессия палача на тот период времени пользовались небывалым спросом, в то время как весь остальной народ прозебал в нищете и разорении, ибо все деньги, что, буквально, силой вытаскивались из каждого кармана простых людей, тут же спускались в королевскую казну на удовлетворение неуёмного аппетита короля, связанного с военными нуждами. Военные экспансии зачастую приводили и к тому, что все владения с сёлами, расположенными вокруг тогда ещё небольшой каменной горной крепости, которую едва ли можно было назвать замком, подвергались постоянным набегам со стороны всё новых и новых очередных противников. Поэтому, параллельно с ведением войны, Базелиск дал распоряжение своим верноподданным на переоборудование крепости «Лоун тауэр» («Lone tower» - одинокая крепость) в большой, надёжно оснащённый и обороняемый со всех сторон и на подходах к нему по едва ли не отвесным горным склонам форт - замок «Лоун кастл». Так, собственно говоря, он и начал строиться и был построен: на костях, разрухе и нищете.

Как и любому тирану, возмнившему себя не кем иным, как божеством, спустившемуся на землю к простым смертным, чтобы вывести их на свет через тьму, посеянную им самим же во имя спасения якобы заблудших душ и всех тех, кто свято нуждается в его вседозволенном предназначении и помощи, Базелиску, естественно, было недостаточно даже тех разорённых и опустошённых земель, которые он приобрёл в ходе своих бесконечных военных походов. Он пресытился богатством территорий, по которым теперь очень редко ступала нога человека, пресытился богатством высушенных пахотных полей, на которых теперь не росло ничего, кроме сорняков и бурьяна, пресытился богатством рек и озёр, в которых теперь не водилась и не плескалась выловленная для нужд оголодавших войнов рыба, пресытился лесами и охотничьими угодьями, в которых теперь, практически, не росли деревья, потому что все они пошли на возведение оборонительных линий, рвов и частоколов, а вся лесная дичь, как и речная рыба, пошла на неутолимое бездонное пропитание желудка своей королевской армии, которая, словно саранча, пожирала всё на пути к нарисованной наивным воображением и вдохновленными речами короля победе, которая с каждым днём отдалялась от Базилиска всё дальше

и дальше, словно солнце, беспечно плывущее каждый будний день по течению небосвода с востока на запад. И, действительно, старому Базелиску наскучило всё это: наскучили смертные казни, наскучило воевать, разграблять и сжигать всё, что дышало жизнью, наскучило жить в постоянных походах, покорять новых рабов и карать судом непокорных, и, однажды, нлядя из своего палаточного ланеря на ночное небо, он понял, что хочет теперь лишь только одного: достичь не только всех желанных земель, но и самих звёзд, что виднелись вдалеке над орным хребтом покрытых снегами и хвойным лесом «Сумрачных гор» прямо над его достраивающимся замком «Лоун кастл». После того, как ему на ум пришла эта идея, он тотчас же на следующее утро объявил своим войнам о той заветной долгожданной победе, которую они все так давно и трепетно ждали. Ликоуаний и хвалы в честь короля в тот день было не счесть: настолько всех измучили нескончаемые войны, что все сразу же позабыли про все те беды, невзгоды и несчастья, которые обрушились им на их ноловы, когда Базелиск взошёл на свой, пригретый на век, трон. Вернувшись в свой, теперь уже обновлённый форт и будущий фамильный нзамок, Базелиск немедленно распорядился собрать все оставшиеся, какие только возможно, людские силы и остатки опустевшей донельзя денежной казны и, во что бы то ни стало, достроить свой новый замок, но при одном условии: нзамок должен строиться до тех пор, пока не достигнет ближайшей к его возвышающимся стенам и башням полярной звезды, что ярче всех остальных сияла по ночам над всё более и более разраставшимся то виширь, то ввысь замком «Лоун кастл».

Как и стоило ожидать, никаких звёзд старый, озлобленный, якобы, медленным и вяло-текущим строительством своего, теперь уже навеки любимого замкан, Базелиск так и не дождался. Дремучая старость и несбыточная жажда ожидания, что вот-вот и со своей королевской спальни он дотянется до тех звёзд, которые так манили и мучили его давно больное и развращённое воображение своим недостижимым для его тёмного чёрного сердца непорочным сиянием вечности, вконец подкосили его и без того ослабленное на полях сражений и в военных походах, некогда крепкое, здоровье.

Ну и вот, когда после внезапной и, как не трудно догадаться, долгожданной для всего народа кончины безумного старого вояки Базелиска, все с облегчением нлубоко вздохнули, а строительство замкан наконец-таки прекратилось, на престоле восцарился его младший сын и полная противоположность своего, одержимого безумной и неошраниченной властью отца - миролюбивый принц и будущий король Теодор Цинферн, а навсегда ушедший в тёмное небытие прошлого правитель, что был прежде, остался и прославился в народных массах «старым палачом с багровым плащом» - дали ему такое назуание, судя по всему потому, что он всегда вёл свои войска, разрушающие всё живое на своём пути, и выходил на возвышающийся над дворсовой площадью во внутреннем дворе замкан парадный балкон во время еженедельно проводимых смертных казней в своём любимом, развевающимся словно флаг на ветру, широком багровом королевском плаще с большой узорчатой нашивкой в виде онедышащего змея базилиска, красовавшейся на его сленка ссутуленной спине.

Кстати о плаще. Так что же там насчёт странника? Признаться честно, в наших рассказах о королях и королевах, мы очень сильно отделились от нашего рыцаря из некогда существовавшей и бесследно исчезнувшей страны «Рэйнвуд».

Путь в неизвестность.

До того момента, как костёр набрал в себя достаточное количество силы и тепла, чтобы не угасать в центре полусырой и, тем не менее, уже основательно подсохшей под раскалёнными древесными углями прогалины, на которой решили ненадолго остановиться наши путники, Сваргард, слегка поёживаясь в невидмых объятиях то медленно стихавших, то быстро нараставших порывов ветра, чьё внезапное дуновение ещё пуще начало остужать на холодном воздухе поверхность и без того влажной кожи, с некоторой долей неудовольствия, но в то же время

с весьма ощутимым на душе облегчением, снял и развешал сушиться верхнюю одежду на ближайšie, наиболее низкие и клонящиеся к земле над языками дымящегося пламени ветки дуба. Так, он оставил на время подсыхать свой насквозь промокший плащ и, не без труда, стянул с себя точно такую же, словно её окунули под ниспадающие тяжёлые потоки горного водопада, мокрую и донельзя сизую, на вид крестьянскую, но на деле - лишь растерявшую с годами свой былой, прешде белый и чистый цвет, сотканную из плотной хлопковой ткани, и, тем не менее, очень лёгкую для ношения, походную рубаху - из тех, что обычно одевают и носят под кожаной либо кованной бронёй конные наездники. Поверх своей рубахи Сваргард обычно одевал мангрифскую кольчугу, собранную из довольно крепких и прочных по сплаву, причудливо переплетённых между собой в прочную сеть, небольших колец, ярко и лосняще золотящихся то осенними листьями на солнце, то серебрящихся переливающимися звёздными россыпями при луне и непогоде. Кольчуга Сваргарда, даже когда он её снимал, как правило, всегда оставалась рядом поблизости со своим хозяином, ровно как и единственный и неповторимый в своём роде меч Остролист - об этом неповторимом ни одним земным смертным: ни эльфийским, ни гномьим и, уж тем более, ни людским кузнецом - оружию, о котором порой слагают целые легенды, наверное, стоит поведать отдельно и более подробно. Это был средней тяжести полностью стальной боевой меч с прямым, облегчённым по всей длине продолговатым вглублением, эдлинным острым оклинком, чьи боковые наконечники - гарды (крестовины) напоминали по своей форме колкие жёсткие листья лесного остролиста, что издревле почитался в народе мангриф как священное кустарниковое растение, сладкие ягоды которого использовались в пищу мангрифами только лишь по особым торжественным либо праздничным дням. Рукоять Остролиста была выполнена из изящно скрученной в виде утолщённой спирали животной дубовой кожи, а наверху (основание) меча сочетало в себе что-то, похожее на собранные в пучок ягоды остролиста вперемешку с перьями грифона, что в бытность содержались мангрифами при дворах своих жилищ как домашние животные. Также в боевом арсенале Сваргарда, помимо всего перечисленного, имелся набор парящих метательных клинков «Шипы розы» и компактный охотничий полуметаллический, полудеревянный арбалет «Зверь».

Казалось бы, для чего мангрифскому всаднику носить с собой столько странного, диковинного и необычного оружия, ведь подобным образом в «Голдэн кастл», как правило, снаряжалась только придворная стража либо войны, состоящие на службе в королевской армии, однако, существовала ещё одна небольшая, едва заметная прослойка людей или, если можно так сказать, неофициальное сословие в его жёстком и строгом в плане иерархии кастовом феодальном обществе, именовавшая себя, так называемыми, «вольными наёмниками» либо «вольными рыцарями», несмотря на то, что понятие «рыцарь» давным-давно уже исжило своё истинное и подлинное значение и вышло из моды и употребления, оставшись в речи лишь неким особым стародавним архаизмом, а на страницах пыльных книг - чем-то особенным и сказочным, неким, потрясающим воображение, воплощением независимости, добра и справедливости. Ведь, как известно, такие книжные литературные образы, в особенности - в тёмные времена, светят среди всех остальных, себе подобных, наиболее оживлённое и ярче.

«Меня зовут Сваргард... Сваргард из Рейнвудсгарда... Вольный наёмник и рыцарь, прибывший к вам издалека...» - именно так он обычно и представлялся незнакомым людям, кому, как ощущал и считал нужным, стоило доверять.

Направился Сваргард в лес «Сингвуд» днём ранее вовсе не случайно. Его нанял, а, вернее сказать, попросил о помощи, один довольно бедный крестьянин из села «Краун Мидоу» («Crown Meadow» - королевский луг), что располагалось на подступах к лесу, причём за совершенно смешную по меркам вольных наёмников цену. Сваргард очень редко брался за

дела, которые, по сути, ничего не стоили. В особенности, он никогда не любил вмешиваться в дела людей и отвергал любое, пускай даже малейшее предложение, каких бы баснословных денег оно не стоило, если эти дела были тёмными и выставляли того человека, кто так рьяно просил их выполнить, далеко не в лучшем свете. Если Сваргард и соглашался помочь людям, то делал это всегда при любой сумме с большой и весьма ощутимой на душе неохотой. Нет, Сваргард не ненавидел людей, он лишь тихо в сердце прещирал их, а прещрение мангрифов к людям действительно было... и было оно далеко не безпочвенным. На то были свои причины и основания, но речь не об этом. Жена крестьянина была тяжело больна и, чтобы излечить её болезнь, требовалась не только помощь лекаря, но и такие снадобья и лекарства, коих нынче нигде и не за какие деньги не сыскать даже при дворце самого зажиточного короля. Однако, было и оставалось ещё одно средство, которое могло спасти жизнь увядающей день за днём крестьянке - это целебные корнеплоды, растущие в земле под стволом Друидова дерева. Это дерево было единственное в своём роде, ибо было создано, посажено и выращено ещё в те далёкие времена, когда друидова магия была привычным делом. Тем не менее, никто не знал, сохранилось ли с тех самых пор это древнее дерево или нет, так как все тропы и дороги, ведущие к нему в бесконечном лесном лабиринте давным давно поросли густой травой и кустарником, а те, что остались, теперь стираются и домываются необъяснимыми и нескончаемыми ливнями, как наподобие того дождя, что лил над лесом «Сингвуд» всю прошедшую ночь. Лишь немногие из уже достаточно преклонного возраста старых егерей, проживавших в селе, у коих Сваргард перед поездкой смог выведать хоть какую-то и то очень отдалённую информацию о том, где же находится или могло находиться это полумифическое дерево, рассказывали, как правило, только о том, что путь к нему пролегает через многомильные, довольно холмистые и овражистые лесные массивы, труднопроходимое болото Морлунд с неоднозначной, мрачной и невзрачной дурной репутацией и древние руины «Последнего пристанища друидов» у подножия «Хрустальных гор», некогда построенного на эсте слияния трёх горных рек, со временем высохших и превратившихся в точно такие же недвижимые извилистые многомильные широкие каменные курумные россыпи, как и те строения, которые раньше, словно единый многогоранный драгоценный камень, украшали это прекрасное жемчужное речное ожерелье, опоясывавшее белые доломитовые склоны недосыгаемой, безупречной и неповторимой по своей красоте возвышенности «Хрустальных гор» - пик «Эйнхорн» («Einhorn» - с нем. единорог). Название этой орной вершине дали не некто, а нсами гномы, которых со времён существования «Последнего пристанища друидов» уже давно никто не видел, ибо жители подземелий устранились от земных дел, посвятив себя эцеликом тому, к чему с рождения лежала их гномья душа - к добыче золота, серебра и прочих драгоценных камней, включая их любимый строительный камень - доломит, коим раньше они очень любили торговаться с людьми по всему королевству и за его пределами, куда, наверное, кроме гномов, никто и никогда не путешествовал, даже от природы любопытные по своей натуре люди.

Сваргарду даже случайно удалось расдобыть и изучить старую, потёртую, небрежно сложенную и изрядно оборуанную по экраям карту этого загадочного леса, что давно пылилась в застенках книжного чулана одного естного королевского вельможи и старосты села «Краун Мидоу» графа Оудэнкера (нидерландское «ouden» - старый, старший). Оудэнкер настоятельно советовал не соваться вглубь этого леса, ибо этого не делали даже тамые смелые и опытные старые егеря из тех, с кем довелось общаться Сваргарду перед тем, как посетить его дом. В своих доводах граф ссылался на то, что, помимо «поющих» деревьев и навывдуманных фей в купе с пресловутой легендой о «Друидовом дереве», есть в этом лесу что-то такое, что огораздо страшнее леших, водяных и болотных кикимор, но что это - никто не знает, так как мало кто вернулся после дальних походов к подножию «Хрустальных гор», а те, кто вернулись, либо ничего не помнили, либо возвращались оттуда абсолютно немymi, словно их память и

уста сковали какой-то незримой магической печатью забвения и молчания, которая мешала им выдать остальным людям то, что они там видели, слышали и наблюдали. Однако, у Сваргарда тоже имелись свои причины на то, чтобы посетить лес «Сингвуд». Жалость к семье крестьянина, конечно, тоже сыграла свою немалозначительную роль, но, скорее, лишь подстегнула его к тому, чтобы всё-таки осмелиться туда отправиться.

Небольшое старое поселение «Краун Мидоу» располагалось на наиболее отдалённых от центра королевства диких и эрайне малонаселённых людьми землях. Основали его однажды, как нетрудно догадаться по названию, на цветущем, плодородном лугу рядом с лесом «Сингвуд» по приказу короля Нортмунда, который, как и все остальные пятнадцать могучих королевских династий, куда входила и ранее упоминавшаяся династия Цинферн, жил и проживал в своём отдельном и достаточно молодом по сравнению с другими королевстве, что обосновалось на равнине вокруг стен его фамильного нзамкан «Роудфилдхэйм» («Roadfieldheim» - в дословном переводе «дорожный полевой дом», в составе которого: «road» - дорога, «field» - поле, «heim» - дом, жилище, родина). Король Нортмунд очень любил проводить ежегодные выездные конные рыцарские состязания и турниры, а прекрасный солнечный луг вблизи леса «Сингвуд» как нельзя лучше подходил для этой праздной идеи и забавы - так, собственно говоря, и появилось это село, тесно и вплотную граничащее с ним с южной стороны: сначала с обычного палаточного лагеря, а после - с первых деревянных построек и домов, в которых начинали проживать первые здешние придворные и крестьяне, постепенно ставшие обрабатывать под поля и виноградники эстную богатую почву и параллельно расширявшие свои пастбища, чтобы пасти домашний скот. Предки графа Оудэнкера были одними из тех самых поселенцев, кто ещё только начинал возделывать эти земли, некогда очень оживлённые и многолюдные в пору своего освоения, что теперь отныне, с наступлением старости короля Нортмунда, потихоньку пустели и теряли своё бывшее хозяйственное и излюбленное, приласканное когда-то по чистой случайности королём, особое торжественное назначение, а те, кто здесь по-прежнему оставались, как правило, были уже люди либо слишком преклонного возраста либо те, у кого не было ни средств, ни возможностей, чтобы перебраться отсюда куда-то в более процветающие владения равнинного королевства при нзамкен «Роудфилдхэйм». Если кто и желал, побыстрее и поскорее перебраться из этого захолустья поближе к королевскому двору, так это непременно граф Оудэнкер, тем не менее, он не мог никак этого сделать ввиду того, что род Оудэнкеров был изначально, с самого что ни на есть момента возникновения и появления села «Краун Мидоу», лично приставлен и назначен королём к руководству этими землями.

Несмотря на все официальные и неофициальные просьбы и обращения Оудэнкера по поводу нынешнего положения дел в селе и своего желания служить непосредственно при дворе его величества, король Нортмунд напрочь отказывался что-либо менять, ибо его и так всё вполне устраивало, на что Оудэнкер был очень зол, так как вместо всевозможных привелегии его графский титул, по сути, не предоставлял ему ничего, кроме власти в пределах села «Краун Мидоу», и был для него лишь, скорее, обременением и обузой, приравнивая его невыездной эстатус к чему-то сродне крепостной подневольности. Оудэнкер был не в силах как-то повлиять на это, а потому смирился и жил себе преспокойно своей тихой уединённой жизнью среди остальных простолюдинов. Вероятно, если бы вы встретили Оудэнкера в «Краун Мидоу» либо обнаружили его выступающим в кругу обычных крестьян на очередном сельском сходе, то не заметили бы никакой разницы между ним и теми жителями, кто, якобы, состоял у него в подчинении - настолько Оудэнкер привык к окружавшей его с рождения крестьянской жизни, что нэсам порой временами превращался в такого же, как и они, простолюдина, перенимая их деревенскую манеру общения, ношение повседневной рабочей полевой одежды и всеразлич-

ные привычки, совершенно нехарактерные для человека, который по своему происхождению таковым не являлся.

- Если вы и хотите достичь «Последнего пристанища друидов», сэр Сваргард, а точнее того, что осталось от столь некогда монументального и, я думаю, по сей день никем не повторимого в нашем королевстве творения магии и человеческого ума, ни в коем случае не сходите на пути к нему даже с тех остатков лесных этроп, которые, будем надеяться, что каким-то чудом ещё сохранились... Дорога не обещает быть лёгкой и может занять по времени три, четыре дня, а то целую неделю... Всё зависит от того, с какими трудностями, испытаниями и препятствиями вам придётся столкнуться в этом лесу, но мне ли об этом вам говорить, сэр... Я вижу, что вы далеко не из простых людей, каким себя выдаёте и каким кажетесь на первый взгляд... Впрочем, как и я... Очень тщетно и напрасно пытаться хоть как-то скрыть и уж тем более маскировать под щетину эти наспех спритые и сточенные очины редких птичьих перьев, что невооруженным клазом видны на вашем лице...

- Обычная мера предосторожности... Не более того... - сухим тоном ответил ему Сваргард.

- Хмм... Вы не должны на меня обижаться, сэр, ибо мангрифов видно сразу... По крайней мере, и это я могу сказать вам точно: никому из здешних жителей земель короля Нортмунда, как и при замкен «Роудфилдхэйм», не доводилось видеть за всю свою жизнь столько мангрифов в одном эесте и одновременно, сколько видел их я... Нет, сэр, не подумайте, мои предки не имеют никакого отношения к той страшной войне, что когда-то по чьей-то вине развязалась между людьми и вашим народом, из-за чего вы все - мангрифы, лишились «Рэйнвудсгарда» - вашего дома и родины, насколько я понимаю и полагаю... Нет... Дело в том, что однажды мне приходилось, вопреки всей этой общепринятой и, я искренне считаю, выдуманной дурной славе о мангрифах, приютить у себя одну бродячую скитающуюся мангрифскую семью, что бежала сюда в эти эрая от неких то ли преледователей, то ли дорожных разбойников - этого я, к сожалению, так и не смог у них выведать, так как они к тому моменту были очень сильно напуганы и измотаны после тяжёлой дальней дороги и всё, что им на тот момент требовалось - это лишь вода, еда, покой, отдых и сон. Оставить их на ночлег в своей усадьбе вот так просто, ни с того ни с сего, я попросту никак не мог - слишком много нежелательных слухов, домыслов и сплетен поползли бы тогда по селу и за его пределы прямиком ко двору короля, очерняя моё доброе имя, а мне это не нужно: более, чем предостаточно, скопилось неоднозначного и немалого внимания с его стороны к моей мятежной и громкой на речи персоне. Поэтому в ту ночь я выделил для бродячей семьи мангрифов небольшой зарайчик, пристроенный к усадьбе, который вы, возможно, видели при входе сюда. В нём всегда довольно сухо и тепло, даже в холодное время, и обычно запасается и хранится зерно, собираемое мной и крестьянами каждый год на зиму. Однако, когда я проснулся поутру на следующий день и решил провести моих незваных гостей, от них уже и след простыл. Единственное, что я обнаружил, оставленное прямо у порога моего дома - это только этот странный и необычный: не то золотой, не то серебрянный, постоянно меняющий свой цвет при разной силе освещения, старый потёртый медальон. - тогда граф неожиданно отлучился от разговора и исчез ненадолго где-то на верхнем этаже своей усадьбы, вернувшись оттуда в гостиную комнату к Сваргарду с тем самым медальоном в руках, о котором он ему несколько секунд назад поведал. Оудэнкер бережно и почтительно в типичной, присущей для его натуры изысканной манере подал слегка нахмуренному и в то же время изумлённому мангрифу медальон, а сам уселся на свой любимый, изящно и по-вельможски сделанный, обшитый кожей и мехом диких животных, деревянный стул, на котором он обычно сидел, облокотившись на трость с круголым, ввинченным

поверх её рукояти набалдажником, принимая в своём доме, как правило, только частых и привычных его нглазам крестьян либо таких кайне редких и необычных для этих земель посетителей, как Сваргард.

- Это мангрифский медальон... - сказал Сваргард - Это точно он... Такие медальоны невозможно спутать ни с какими другими... Видел когда-то такие в детстве... Мой отец с атерью когда-то тоже их носили, но это было очень и очень давно... Мало что смогу вспомнить об этих талисманах... Помню, наверное, смутно лишь только одну очень красивую легенду, ставшую печальную былью, о которой мне однажды рассказывала моя ама. Легенда та нласит, что «любому мангрифу, заблудившемуся во тьме и потерявшему дорогу домой, такой медальон всегда укажет и подскажет правильный путь назад к неугасающему и вечно ждущего его у камина родному очагу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.